

Д,
п 12

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

ЧЕСТНОЕ СЛОВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

В детстве я потерял семью, остался один и несколько лет был беспризорником. Меня помещали в детские дома, я убежал оттуда и опять скитался. В эти годы я переменял много профессий — был и пастухом, и сапожником, и продавцом газет, и рабочим на лимонадном заводе, и поварёнком в ресторане...

Мне было восемнадцать лет, когда вышла моя первая книга — «Республика ШКИД». С тех пор я пишу книги. Пишу и для больших и для маленьких.

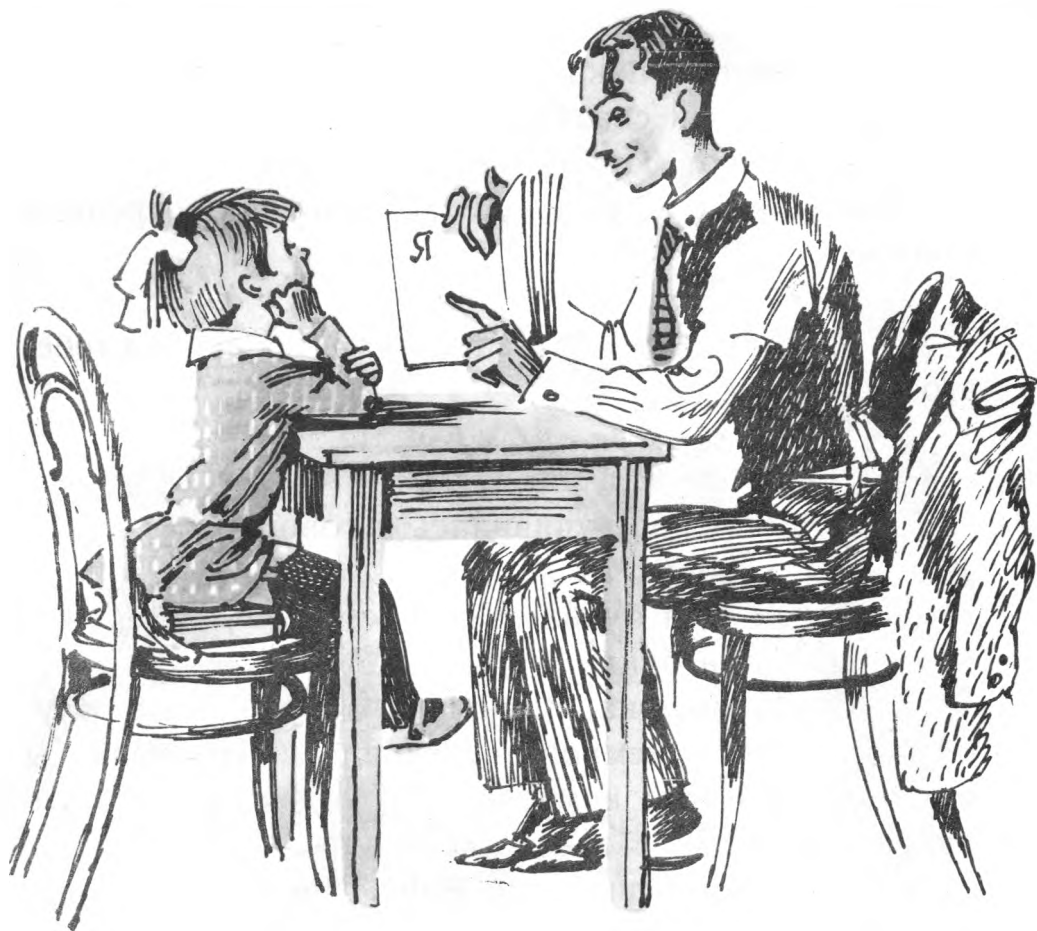
Самый милый для меня читатель — это тот, кто только что научился читать.

Вот ты прочёл (или прочла) эти слова, и мы с тобой познакомились. Ты где-то очень далеко от меня, но мне кажется, что я слышу твоё дыхание, я даже вижу твой палец на этих печатных строчках.

Крепко жму твою руку, дорогой друг читатель!

Л. Пантелеев

Рисунки А. Иткина

БУКВА «ТЫ»

Учил я когда-то одну маленькую девочку читать и писать. Девочку звали Иринушка, было ей четыре года пять месяцев, и была она большая умница. За каких-нибудь десять дней мы одолели с ней всю русскую азбуку, могли уже свободно читать и «папа», и «мама», и «Саша», и «Маша», и оставалась у нас невыученной одна только самая последняя буква—«я».

И тут вот, на этой последней буковке, мы вдруг с Иринушкой и споткнулись.

Я, как всегда, показал букву, дал ей как следует её рассмотреть и сказал:

— А это вот, Иринушка, буква «я».

Иринушка с удивлением на меня посмотрела и говорит:

— Ты?

— Почему «ты»? Что за «ты»? Я же сказал тебе: это буква «я».

— Буква «ты»?

— Да не «ты», а «я».

Она ещё больше удивилась и говорит:

— Я и говорю: ты.

— Да не я, а буква «я».

— Не ты, а буква «ты»?

— Ох, Иринушка, Иринушка. Наверно, мы, голубушка, с тобой немного переучились. Неужели ты в самом деле не понимаешь, что это не я, а что это буква так называется — «я»?

— Нет, — говорит, — почему не понимаю? Я понимаю.

— Что ты понимаешь?

— Это не ты, а это буква так называется — «ты».

Фу! Ну в самом деле, ну что ты с ней поделаешь? Как же, скажите на милость, ей объяснить, что я — это не я, ты — не ты, она — не она и что вообще «я» — это только буква?

— Ну, вот что, — сказал я наконец, — ну, давай скажи как будто про себя: я. Понимаешь? Про себя. Как ты про себя говоришь.

Она поняла как будто. Кивнула. Потом спрашивает:

— Говорить?

— Ну-ну... конечно.

Вижу — молчит. Опустила голову. Губами шевелит.

Я говорю:

— Ну, что же ты?

— Я сказала.

— А я не слышал, что ты сказала.

— Ты же мне велел про себя говорить. Вот я потихоньку и говорю.

— Что же ты говоришь?

Она оглянулась и шёпотом — на ухо мне:

— Ты!..

Я не выдержал, вскочил, схватился за голову и забегал по комнате.

Внутри у меня уже всё кипело, как вода в чайнике. А бедная Иринушка сидела, склонившись над букварём, искоса посматривала на меня и жалобно сопела. Ей, наверно, было стыдно, что она такая бесполовая.

Но и мне тоже было стыдно, что я — большой человек — не могу научить маленького человека правильно читать такую простую букву, как буква «я».

Наконец я придумал всё-таки. Я быстро подошёл к девочке, ткнул её пальцем в нос и спрашиваю:

— Это кто?

Она говорит:

— Это я.

— Ну вот... Понимаешь? А это буква «я».

Она говорит:

— Понимаю...

А у самой уж, вижу, и губы дрожат, и носик сморщился — вот-вот заплачет.

— Что же ты, — я спрашиваю, — понимаешь?
— Понимаю, — говорит, — что это я.
— Правильно. Молодец. А это вот буква «я».
Ясно?

— Ясно, — говорит. — Это буква «ты».
— Да не «ты», а «я»!
— Не я, а ты.
— Не я, а буква «я»!
— Не ты, а буква «ты».
— Не буква «ты», господи боже мой, а буква «я»!

— Не буква «я», господи боже мой, а буква «ты».
Я опять вскочил и опять забежал по комнате.

— Нет такой буквы! — закричал я. — Пойми ты, бестолковая девчонка! Нет и не может быть такой буквы! Есть буква «я». Понимаешь? Я! Буква «я»! Изволь повторять за мной: я! я! я!..

— Ты, ты, ты, — пролепетала она, едва разжимая губы.

Потом уронила голову на стол и заплакала. Да так громко и так жалобно, что весь мой гнев сразу остыл. Мне стало жалко её.

— Хорошо, — сказал я. — Как видно, мы с тобой и в самом деле немного заработались. Возьми свои книги и тетрадки и можешь идти гулять. На сегодня — хватит.

Она кое-как запихала в сумочку своё барахлишко и, ни слова мне не сказав, спотыкаясь и всхлипывая, вышла из комнаты.

А я, оставшись один, задумался: что же делать? Как же мы в конце концов перешагнём через эту проклятую букву «я»?

«Ладно, — решил я. — Забудем о ней. Ну её. Начнём следующий урок прямо с чтения. Может быть, так лучше будет».

И на другой день, когда Иринushка, весёлая и раскрасневшаяся после игры, пришла на урок, я не стал ей напоминать о вчерашнем, а просто посадил её за букварь, открыл первую попавшуюся страницу и сказал:

— А ну, сударыня, давайте-ка почитайте мне что-нибудь.

Она, как всегда перед чтением, поёрзала на стуле, вздохнула, уткнулась и пальцем и носиком в страницу и, пошевелив губами, бегло, не переводя дыхания, прочла:

— Тыкову дали тыблоко.

От удивления я даже на стуле подскочил:

— Что такое?! Какому тыкову? Какое тыблоко? Что ещё за тыблоко?

Посмотрел в букварь, а там чёрным по белому написано: «Якову дали яблоко».

Вам смешно? Я тоже, конечно, посмеялся. А потом говорю:

— Яблоко, Иринushка! Яблоко, а не тыблоко!

Она удивилась и говорит:

— Яблоко? Так, значит, это буква «я»?

Я уже хотел сказать: «Ну конечно, «я»! А потом спохватился и думаю: «Нет, голубушка. Знаем мы вас. Если скажу «я» — значит, опять пошло-поехало! Нет, уж сейчас мы на эту удочку не попадёмся».

И я сказал:

— Да, правильно. Это буква «ты».

Конечно, не очень-то хорошо говорить неправду.

Даже очень нехорошо говорить неправду. Но что же поделаешь? Если бы я сказал «я», а не «ты», кто знает, чем бы всё это кончилось. И может быть, бедная Иринушка так всю жизнь и говорила бы: вместо «яблоко» — «тыблоко», вместо «ярмарка» — «тырмарка», вместо «якорь» — «тыкорь» и вместо «язык» — «тызык». А Иринушка, слава богу, выросла уже большая, выговаривает все буквы правильно, как полагается, и пишет мне письма без одной ошибки.

ТРУС

Дело было в Крыму. Один приезжий мальчик пошёл на море ловить удочкой рыбу. А там был очень высокий, крутой, скользкий берег. Мальчик начал спускаться, потом посмотрел вниз, увидел под собой огромные острые камни и испугался. Остановился и с места не может сдвинуться. Ни назад, ни вниз. Вцепился в какой-то колючий кустик, сидит на корточках и дышать боится.

А внизу, в море, в это время колхозник-рыбак ловил рыбу. И с ним в лодке была девочка, его дочка. Она всё видела и поняла, что мальчик трусит. Она стала смеяться и показывать на него пальцем.

Мальчику было стыдно, но он ничего не мог с собой сделать. Он только стал притворяться, будто сидит просто так и будто ему очень жарко. Он даже снял шапку и стал ею махать около своего носа.

Вдруг подул ветер, вырвал у мальчика из рук удочку и бросил её вниз.

Мальчику было жаль удочки, он попробовал ползти вниз, но опять у него ничего не вышло.

А девочка всё это видела. Она сказала отцу, тот посмотрел наверх и что-то сказал ей.

Вдруг девочка спрыгнула в воду и зашагала к берегу. Взяла удочку и пошла обратно к лодке.

Мальчик так рассердился, что забыл всё на свете и кубарем покатился вниз.

— Эй! Отдавай! Это моя удочка! — закричал он и схватил девочку за руку.

— На, возьми, пожалуйста, — сказала девочка. — Мне твоя удочка не нужна. Я нарочно её взяла, чтобы ты слез вниз.

Мальчик удивился и говорит:

— А ты почём знала, что я слезу?

— А это мне папа сказал. Он говорит: если трус, то, наверно, и жадина.

ДВЕ ЛЯГУШКИ

Жили-были две лягушки. Были они подруги и жили в одной канаве. Но только одна из них была настоящая лесная лягушка — храбрая, сильная, весёлая, а другая — ни то ни сё: трусиха была, лентяйка, соня. Про неё даже говорили, будто она не в лесу, а где-то в городском парке родилась.

Но всё-таки они жили вместе, эти лягушки.

И вот однажды ночью вышли они погулять.

Идут себе по лесной дороге и вдруг видят — стоит дом. А около дома погреб. И из этого погреба очень вкусно пахнет: плесенью пахнет, сыростью, мохом, грибами. А это как раз то самое, что лягушки любят.

Вот забрались они поскорей в погреб, стали там бегать и прыгать. Прыгали, прыгали и нечаянно свалились в горшок со сметаной.

И стали тонуть.

А тонуть им, конечно, не хочется.

Тогда они стали барахтаться, стали плавать. Но у этого глиняного горшка были очень высокие скользкие стенки. И лягушкам оттуда никак не выбраться.

Та лягушка, что была лентяйкой, поплавала немножко, побултыхалась и думает:

«Всё равно мне отсюда не вылезти. Что ж я буду напрасно барахтаться. Уж лучше я сразу утону».

Подумала она так, перестала барахтаться — и утонула.

А вторая лягушка — та была не такая. Та думает:

«Нет, братцы, утонуть я всегда успею. Это от меня не уйдёт. А лучше я ещё побарахтаюсь, ещё поплаваю. Кто его знает, может быть, у меня что-нибудь и выйdet».

Но только — нет, ничего не выходит. Как ни плавай — далеко не уплывёшь. Горшок узенький, стенки скользкие — не вылезти лягушке из сметаны.

Но всё-таки она не сдаётся, не унывает.

«Ничего, — думает, — пока силы есть, буду бороться. Я ведь ещё живая — значит, надо жить. А там — что будет».

494 gm
98.5599 F
466 gm

APR 1954
A. S. H. S.
MUSEUM

И вот из последних сил борется наша храбрая лягушка со своей лягушачьей смертью. Уж вот она и сознание стала терять. Уж вот захлебнулась. Уж вот её ко дну тянет. А она и тут не сдаётся. Знай себе лапками работает. Дрыгает лапками и думает:

«Нет! Не сдамся! Шалишь, лягушечья смерть...»

И вдруг — что такое? Вдруг чувствует наша лягушка, что под ногами у неё уже не сметана, а что-то твёрдое, что-то такое крепкое, надёжное, вроде земли. Удивилась лягушка, посмотрела и видит: никакой сметаны в горшке уже нет, а стоит она на комке масла.

«Что такое? — думает лягушка. — Откуда здесь взялось масло?»

Удивилась она, а потом догадалась: ведь она сама лапками своими из жидкой сметаны твёрдое масло сбила.

«Ну вот, — думает лягушка, — значит, я хорошо сделала, что сразу не утонула».

Подумала она так, выпрыгнула из горшка, отдохнула и поскакала к себе домой — в лес.

А вторая лягушка осталась лежать в горшке.

И никогда уж она, голубушка, больше не видела белого света, и никогда не прыгала, и никогда не квакала.

Ну что ж. Если говорить правду, так сама ты, лягушка, и виновата. Не падай духом! Не умирай раньше смерти.

ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Мне очень жаль, что я не могу вам сказать, как зовут этого маленького человека, и где он живёт, и кто его папа и мама. В потёмках я даже не успел как следует разглядеть его лицо. Я только помню, что нос у него был в веснушках и что штанишки у него были коротенькие и держались не на ремешке, а на таких ляпочках, которые перекидываются через плечи и застёгиваются где-то на животе.

Как-то летом я зашёл в садик — я не знаю, как он называется, — на Васильевском острове, около белой церкви. Была у меня с собой интересная книга, я засиделся, зачитался и не заметил, как наступил вечер. Когда в глазах у меня зарябило и читать стало совсем трудно, я захлопнул книгу, поднялся и пошёл к выходу.

Сад уже опустел, на улицах мелькали огоньки, и где-то за деревьями звенел колокольчик сторожа.

Я боялся, что сад закроется, и шёл очень быстро.

Вдруг я остановился. Мне послышалось, что где-то в стороне, за кустами, кто-то плачет.

Я свернул на боковую дорожку — там белел в темноте небольшой каменный домик, какие бывают во всех городских садах, какая-то будка или сторожка. А около её стены стоял маленький мальчик лет семи или восьми и, опустив голову, громко и безутешно плакал.

Я подошёл и окликнул его:

— Эй, что с тобой, мальчик?

Он сразу, как по команде, перестал плакать, поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

— Ничего.

— Как это ничего? Тебя кто обидел?

— Никто.

— Так чего ж ты плачешь?

Ему ещё трудно было говорить, он ещё не проглотил всех слёз, ещё всхлипывал, икал, шмыгал носом.

— Давай пошли, — сказал я ему. — Смотри, уже поздно, уже сад закрывается.

И я хотел взять мальчика за руку. Но мальчик поспешно отдернул руку и сказал:

- Не могу.
  - Что не можешь?
  - Идти не могу.
  - Как? Почему? Что с тобой?
  - Ничего, — сказал мальчик.
  - Ты что — нездоров?
  - Нет, — сказал он, — здоров.
  - Так почему ж ты идти не можешь?
  - Я часовой, — сказал он.
  - Как часовой? Какой часовой?
  - Ну, что вы — не понимаете? Мы играем.
  - Да с кем же ты играешь?
- Мальчик помолчал, вздохнул и сказал:
- Не знаю.

Тут я, признаться, подумал, что, наверное, мальчик всё-таки болен и что у него голова не в порядке.

— Послушай, — сказал я ему. — Что ты говоришь? Как же это так? Играешь и не знаешь с кем?

— Да, — сказал мальчик. — Не знаю. Я на скамейке сидел, а тут какие-то большие ребята подходят и говорят: «Хочешь играть в войну?» Я говорю: «Хочу». Стали играть, мне говорят: «Ты сержант». Один большой мальчик — он маршал был... он привёл меня сюда и говорит: «Тут у нас пороховой склад. А ты будешь часовой. Стой здесь, пока я тебя не сменю». Я говорю: «Хорошо». А он говорит: «Дай честное слово, что не уйдёшь».

- Ну?
- Ну, я и сказал: «Честное слово, не уйду».
- Ну и что?
- Ну и вот. Стою-стою, а они не идут.

— Так! — улыбнулся я. — А давно они тебя сюда поставили?

— Ещё светло было.

— Так где же они?

Мальчик опять тяжело вздохнул и сказал:

— Я думаю, они ушли.

— Как ушли?

— Забыли.

— Так чего ж ты тогда стоишь?

— Я честное слово сказал...

Я уже хотел засмеяться, но потом спохватился и подумал, что смешного тут ничего нет и что мальчик совершенно прав. Если дал честное слово, так надо стоять, что бы ни случилось, — хоть лопни. А игра это или не игра — всё равно.

— Вот так история получилась! — сказал я ему. — Что же ты будешь делать?

— Не знаю, — сказал мальчик и опять заплакал.

Мне очень хотелось ему как-нибудь помочь. Но что я мог сделать? Идти искать этих глупых мальчишек, которые поставили его на караул, взяли с него честное слово, а сами убежали домой? Да где же их сейчас найдёшь, этих мальчишек! Они уж небось поужинали и спать легли, и десятые сны видят.

А человек на часах стоит. В темноте. И голодный небось.

— Ты, наверно, есть хочешь? — спросил я у него.

— Да, — сказал он, — хочу.

— Ну, вот что, — сказал я, подумав. — Ты вали беги домой поужинай, а я пока за тебя постою тут.

— Да, — сказал мальчик. — А это можно разве?

— Почему же нельзя?

— Вы же не военный.

Я почесал затылок и сказал:

— Правильно. Ничего не выйдет. Я даже не могу тебя снять с караула. Это может сделать только военный, только начальник...

И тут мне вдруг в голову пришла мысль. Я подумал, что если освободить мальчика от честного слова, снять его с караула может только военный—так в чём же дело? Надо, значит, идти искать военного.

Я ничего не сказал мальчику, только сказал: «Подожди минутку», — а сам, не теряя времени, побежал к выходу...

Ворота ещё не были закрыты, ещё сторож ходил где-то в самых дальних уголках сада и дозванивал там в свой колокольчик.

Я стал у ворот и долго поджидал, не пройдёт ли мимо какой-нибудь военный, какой-нибудь лейтенант или хотя бы рядовой красноармеец. Но, как назло, ни один военный не показывался на улице.

Вот было мелькнули на другой стороне улицы какие-то чёрные шинели, я обрадовался, подумал, что это военные моряки, перебежал улицу и увидел, что это не моряки, а мальчишки-ремесленники. Прошёл высокий железнодорожник в очень красивой шинели с ярко-малиновыми нашивками. Но и железнодорожник с его замечательной шинелью мне тоже был в эту минуту ни к чему.

Я уже хотел, не солоно хлебавши, возвращаться в сад, как вдруг увидел за углом, на трамвайной остановке, защитную командирскую фуражку с синим кавалерийским околышем. Кажется, ещё никогда в жизни я так не радовался, как обрадовался

в эту минуту. Сломая голову я побежал к остановке.

И вдруг, не успев добежать, вижу — к остановке подходит трамвай, и командир, молодой кавалерийский майор, вместе с остальной публикой собирается протискиваться в вагон.

Запыхавшись, я подбежал к нему, схватил за руку и закричал:

— Товарищ майор! Подождите! Товарищ майор...

Он оглянулся, с удивлением на меня посмотрел и сказал:

— В чём дело?

— Видите ли, в чём дело, — сказал я. — Тут в саду, около будки, на часах стоит мальчик... Он не может уйти, он дал честное слово... Он очень маленький... Он плачет.

Командир посмотрел на меня с испугом. Наверное, он тоже подумал, что я болен и что у меня голова не в порядке.

— При чём же тут я? — сказал он.

Трамвай его ушёл, и он смотрел на меня очень сердито.

Но когда я немножко подробнее объяснил ему, в чём дело, он не стал раздумывать и сразу сказал:

— Идёмте, идёмте. Конечно. Что ж вы мне сразу не сказали?

Когда мы подошли к саду, сторож как раз вешал на воротах замок. Я попросил его несколько минут подождать, сказал, что в саду у меня остался мальчик, и мы с майором побежали в глубину сада.

В темноте мы с трудом отыскивали белую будку. Мальчик стоял на том же месте, где я его оставил, и опять, но на этот раз очень тихо, плакал. Я окликнул

его. Он обрадовался, даже вскрикнул от радости, а я сказал:

— Ну вот, я привёл начальника.

Увидев командира, мальчик как-то весь выпрямился, вытянулся и стал на несколько сантиметров выше.

— Товарищ караульный, — сказал ему командир, — какое вы носите звание?

— Я сержант, — сказал мальчик.

— Товарищ сержант, приказываю оставить вверенный вам пост!

Мальчик помолчал, посопел носом и сказал:

— А у вас какое звание? Я не вижу, сколько у вас звёздочек...

— Я майор.

И тогда мальчик приложил руку к широкому козырьку своей серенькой кепки и сказал:

— Есть, товарищ майор: приказано оставить пост.

И сказал это он так звонко и так ловко, что мы оба не выдержали и расхохотались. И мальчик тоже весело и с облегчением засмеялся.

Не успели мы втроем выйти из сада, как за нами хлопнули ворота и сторож несколько раз повернул в скважине ключ.

Майор протянул мальчику руку.

— Молодец, товарищ сержант, — сказал он. — Из тебя выйдет настоящий воин. До свидания!

Мальчик что-то пробормотал и сказал:

— До свидания...

А майор отдал нам обоим честь и, увидев, что опять подходит его трамвай, побежал к остановке.

Я тоже попрощался с мальчиком и пожал ему руку.
— Может быть, тебя проводить? — спросил я у него.

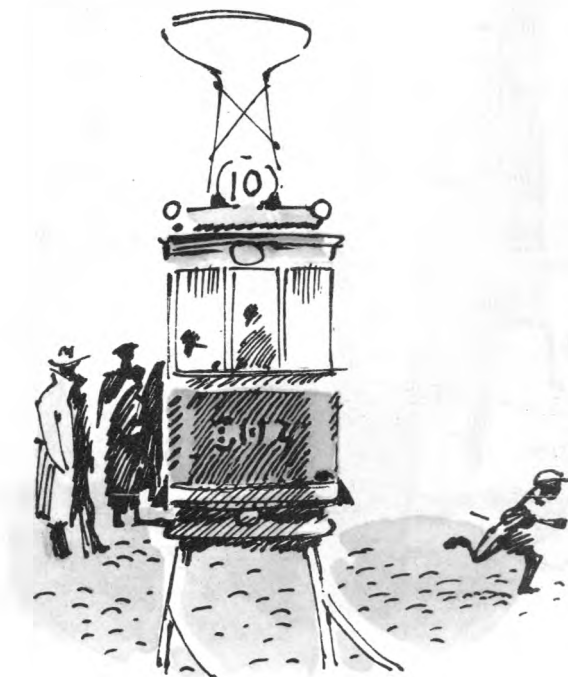
— Нет, я близко живу. Я не боюсь, — сказал мальчик.

Я посмотрел на его маленький веснушчатый нос и подумал, что ему действительно нечего бояться. Мальчик, у которого такая сильная воля и такое крепкое слово, не испугается темноты, не испугается хулиганов, не испугается и более страшных вещей.

А когда он вырастет... Ещё не известно, кем он будет, когда вырастет; но кем бы он ни был, можно ручаться, что это будет настоящий человек.

Я подумал так, и мне стало очень приятно, что я познакомился с этим мальчиком.

И я ещё раз крепко и с удовольствием пожал ему руку.

СОДЕРЖАНИЕ

Буква «ты»	3
Трус	12
Две лягушки	15
Честное слово	19

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Алексей Иванович Пантелеев

ЧЕСТНОЕ СЛОВО

ИБ № 4103

Ответственный редактор *Л. П. Серебрякова.*

Художественный редактор *Н. Э. Левинская.*

Технический редактор *Т. Д. Юрханова.*

Корректор *Л. А. Лазарева.*

Слано в набор 20.06.79. Подписано к печати 28.11.79. Формат 70×100^{1/16}. Бум. офс. № 1. Шрифт литерат. Печать офсетн. Усл. печ. л. 2,6. Уч.-изд. л. 2,03. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 758. Цена 10 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Пантелеев А. И.

П 16 Честное слово: Рассказы/Рис. А. Иткина. — М.: Дет. лит., 1980.—32 с., ил. — (Читаем сами).

10 коп.

Рассказы о детях; сказка.

70802—024

П-----209—80

М101(03)80

Р2

~~000-010~~
~~507~~

305

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

Издательство «Детская литература»
В серии «ЧИТАЕМ САМИ»
в 1980 году выходят книги:

Берестов В.

БОГАТЫРИ.

Лирические и весёлые стихи о школе.

Квитко Л.

Весёлые стихи о детях.

Паустовский К.

КОТ-ВОРЮГА.

Рассказы о родной природе.